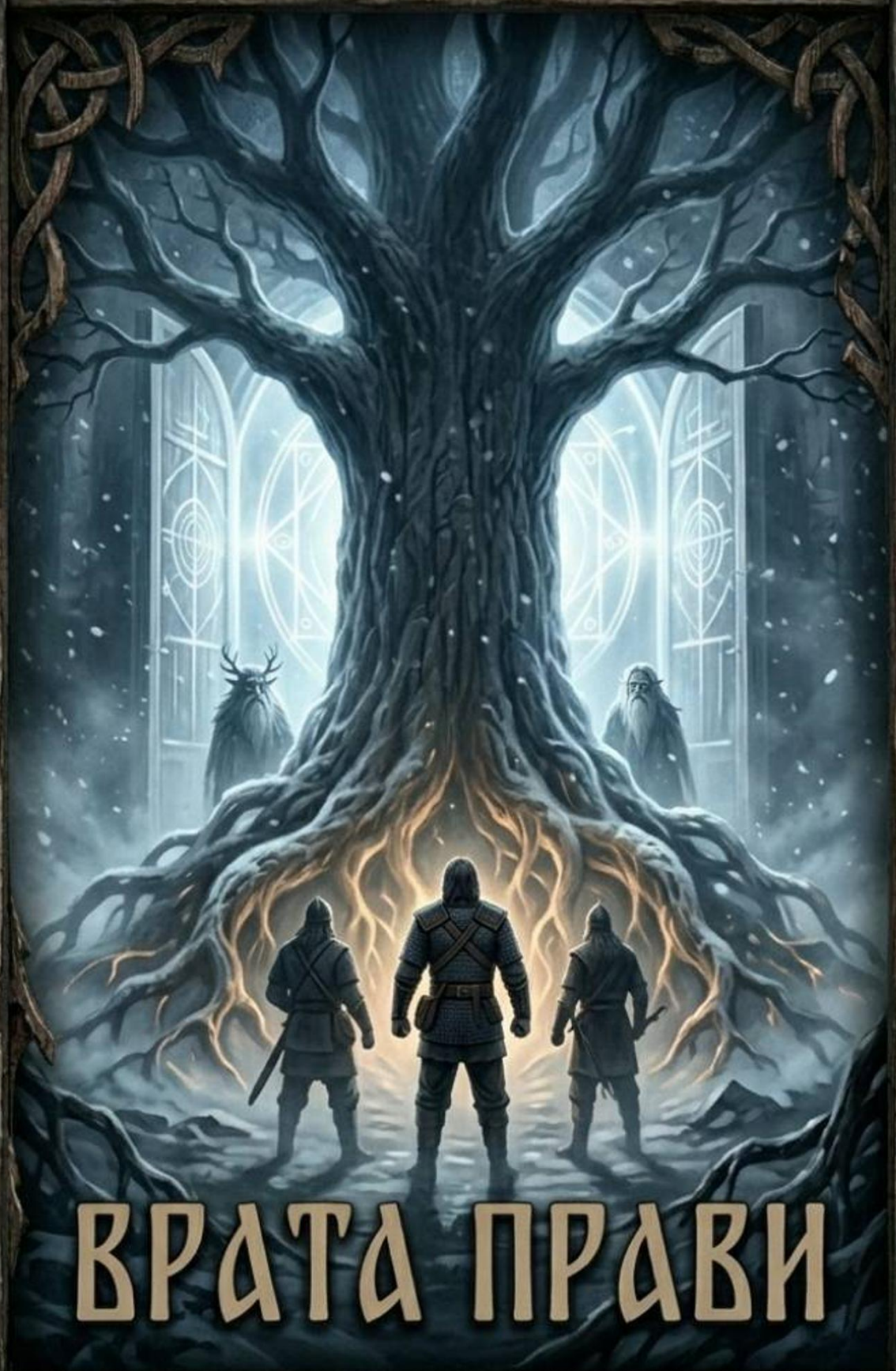
СВОД ИЗНАЧАЛЬЯ

ВРАТА ПРАВИ

Денис Пожидаев

Свод Изначалья

Денис Пожидаев

Врата Прави

«Автор»
2026

Пожидаев Д.

Врата Прави / Д. Пожидаев — «Автор», 2026 — (Свод Изначалья)

Мир Яви выжжен кислотой и войной. Чтобы спасти остатки людей, искалеченный кузнец, опальный князь и лесная знахарка решаются на безумство — взобраться по отвесной стене Мирового Древа прямо на небеса. По их пятам идут железные легионы Врага, а впереди ждут ядовитые облака, ледяная пустота и древние чудовища. Но самое страшное испытание таится на самой Вершине. Смогут ли герои дойти до обители богов, когда чудес больше не осталось, а платить за каждый шаг приходится кровью?

© Пожидаев Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 5
Глава 1. Медные когти 6
Глава 2. Искажение Прави 9
Глава 3. Короеды Кривды 12
Глава 4. Кислотные облака 16
Глава 5. Оборванная сталь 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Врата Прави

Глава

Глава 1. Медные когти

Утро пахло кислым оловом, мокрой золой и горелым мясом.

Этот запах оседал на языке, забивался в ноздри, вязал слюну. Серый рассвет едва пробивался сквозь плотную пелену дыма, укрывшую низину. Земля, изрытая глубокими воронками и залитая шипящими лужами кислоты, больше не стонала — она оцепенела. Вспышка Осколка выжгла скверну, но оставила после себя мертвую, покрытую серым налетом пустошь. И тысячи выживших на ней.

Люди сидели прямо в стылой грязи. Многие обхватили головы руками, раскачиваясь из стороны в сторону, не в силах осознать, что пережили эту ночь. Воздух дрожал от их тяжелого, хриплого дыхания.

А над ними, прошивая низкие тучи, уходил в глухую высь ствол Стародуба. Он был так огромен, что человеческий глаз отказывался воспринимать его как дерево. Это была отвесная, уходящая в серую бесконечность стена, изрезанная глубокими каньонами коры.

Тяжесть кольчуги давила на плечи. Ярополк медленно подошел к Радиму. Князь припадал на левую ногу, инстинктивно прижимая локоть к пробитому боку. Под пальцами хлюпала пропитанная кровью ткань.

Радим сидел на поваленном валуне, ссутулив широкую спину. Весна стояла перед ним на коленях в пропитанном грязью подоле. Она молча, методично наматывала чистые полосы льна на его кисти. Рук у кузнеца больше не было. Удар по Осколку превратил их в багровые, распухшие комья мяса. Под лопнувшей, почерневшей кожей прощупывалось крошево костей. Лен мгновенно пропитывался красным.

Ярополк тяжело опустился на соседний камень. Холод камня пробил сквозь влажные штаны. Князь откинул голову, глядя на вертикальную стену Древа.

— Лестницы там не поставить, — голос Ярополка был сухим, как перетертый в пальцах тростник. — Веревок на такую высоту не сплести. Люди истощены. Кора гладкая. Мы не сможем идти.

Радим поднял голову. Кузнец дышал томно, с присвистом. В его единственном сером глазу не было ни отчаяния, ни боли. Только глухой, расчет.

— Лестницы сгорят, — ответил он. Помолчал, сглотнув вязкую слюну. — Нам нужны когти. Собери мне всю медь с убитых Очистителей. Всю броню, до последнего ремешка. Будем ковать шипы.

Полевые горны сложили из битого, покрытого копотью камня за час. Мехами служили распоротые кожаные щиты, стянутые сыромятными ремнями. Они со скрипом глотали дымный воздух.

Гора трофейных медных кирас, помятых шлемов и поножей тускло блестела под серым небом, испачканная чужой кровью и грязью. Вокруг наковален, переминаясь с ноги на ногу, сгрудились люди. Бывшие рабы, уставшие ополченцы, уцелевшие латники Врага. Грязные, с ввалившимися глазами, они никогда не держали в руках кузнечного инструмента. Они умели только убивать или подчиняться.

Радим шагнул к главному горну. Жар ударил в лицо, привычно опалив всклокоченную бороду, высушил пот на лбу. На наковальне лежал его личный, старый ручник — тяжелый молот с потемневшей деревянной рукоятью, выкованный еще отцом.

Кузнец протянул вперед перебинтованные культи. Дыхание сбилось. Он попытался свести то, что осталось от пальцев, чтобы обхватить дерево.

Сухожилия мерзко скрипнули. Кровь и желтая сукровица мгновенно проступили сквозь белый лен. Лицо Радима посерело. Он стиснул челюсти так, что под кожей заходили желваки, и попытался снова, наваливаясь всем весом. Дерево скользнуло по мокрым бинтам.

Молот с глухим стуком рухнул в золу.

Радим замер. Он стоял, ссутулившись, и смотрел на упавшее в серую пыль железо. В этой густой тишине, нарушаемой лишь гудением пламени, ломалась его суть. Право говорить с миром через металл было уничтожено.

Из толпы несмело шагнул щуплый солдат. На нем висела оборванная черная рубаха Очистителей — тот самый юноша, которого Ярополк пощадил у переправы. Солдат опустился на колени, осторожно стряхнул золу с деревянной рукояти и поднял молот. Металл потянул его худую руку вниз.

— Я сын тележника, мастер, — тихо сказал солдат. Он не поднимал глаз на огромного кузнеца. — Мои руки целы. Скажи, как бить.

Радим шумно выдохнул через нос. Он обвел тяжелым взглядом сотню людей, замерших вокруг горнов. Сделал шаг назад, уступая место у наковальни.

— Медь в тигель, — хрипло скомандовал он. — Лей в форму. Как остынет — на наковальню.

Звон первого удара разнесся над мертвой долиной. За ним второй. Третий.

Радим ходил между рядами сложенных наспех печей. Он не мог взять щипцы, не мог поправить заготовку, но его хриплый голос стал тем стержнем, на который нанизывался хаос. Он отбивал такт тяжелым кованым сапогом по камню.

— Бей! Оттяжка! В воду! — летели над полем его рубленые фразы.

Сначала стук молотов был нестройным, рваным. Люди мазали по меди, высекая снопы искр, обжигали ладони, ругались сквозь стиснутые зубы. Но кузнец не давал им спуску. Он подходил вплотную, смотрел прищуренным глазом на раскаленный кусок, коротко кивал или велел бросать искореженный металл обратно в переплавку.

Постепенно из лязга, мата и суеты начал рождаться единый ритм. Мерный, тяжелый бой. Десятки молотов застучали в такт кованому сапогу. Вчерашние враги, крестьяне и палачи, стояли плечом к плечу, наваливаясь на меха. Медь, служившая чужой воле, плавилась, текла и под ударами обретала новую форму — форму толстых, зазубренных крючьев и насадок на обувь.

Это был не грохот войны. Это был тяжелый пульс выживания.

Весна подошла к стволу Стародуба. Ярополк стоял рядом. В здоровой руке он сжимал свежевыкованный медный коготь. Металл еще хранил тепло горна.

Князь размахнулся, напряг плечо и с силой ударил шипом по коре.

Удар отдался болью до самого локтя. Металл отскочил со звоном. На дереве осталась лишь светлая, едва заметная царапина.

— Не войдет, — Ярополк опустил руку, тяжело дыша. — Кора тверже гранита. Мы не сможем их вбить. Нам не за что зацепиться.

Весна не ответила. Она провела тонкой ладонью по гигантскому стволу. Дерево гудело под ее пальцами — глубоко, на самой грани слуха, словно под корой ворочалась подземная река. Девушка остановилась у широкой борозды, оставленной кислотным туманом. Края раны обуглились, покрылись черными струпьями.

— Оно ранено, — прошептала знахарка. — Лес всегда плачет, когда ему больно.

Она достала из-за пояса костяной нож. Надавила лезвием на край кислотного ожога, с усилием вскрывая мертвую плоть до живого слоя.

Оттуда медленно, густо вытекла капля. Горячая, как парное молоко, светящаяся внутренним золотом смола. В холодном воздухе густо запахло древней хвоей, грозой и диким медом.

— Древо истекает смолой, чтобы стянуть края раны, — Весна повернулась к князю. Ее пальцы блестели от золотой влаги. — Если бить крючья в трещины, кровь Яви схватит их намертво.

Ярополк шагнул ближе. Он приставил медный коготь к сочащейся щели и с размаху ударил обухом тесака. Шип вошел на два пальца. Смола мгновенно вскипела вокруг металла, зашипела, облепила медь и на глазах начала мутнеть, кристаллизуясь в подобие мутного желтого камня.

Князь ухватился за крюк обеими руками и повис на нем всем своим весом. Затрещали швы на одежде. Металл даже не скрипнул. Он сросся с деревом.

Ярополк отпустил крюк, вытер вспотевшую ладонь о штаны и посмотрел наверх, в серую бесконечность.

— Труби сбор, — бросил он подошедшим десятникам. — Мы идем в небо.

К полудню армия превратилась в гигантскую железную многоножку, ползущую по вертикальной стене.

Тысячи людей вбивали крючья, цеплялись шипованными сапогами за неровности коры, передавали друг другу намокшие веревки. Звон металла разносился гулким, искаженным эхом, теряясь в густом тумане. Они миновали слой кислотного смога — дышать стало легче, но холод усилился. Влага оседала на лицах, земля внизу давно исчезла в серой пелене.

Радим лез тяжело. Он обмотал предплечья толстой воловьей кожей и цеплялся за вбитые крючья локтями, с рычанием подтягивая свое грузное тело. Каждый рывок отдавался пульсирующей, тошнотворной болью в раздробленных кистях. Кровь проступала сквозь кожу обмоток, пачкая кору. Ярополк двигался правее, работая одной здоровой рукой и до боли в мышцах упираясь ногами.

Ветер усилился. Он больше не дул — он тянул. Тянул настойчиво, словно живое существо, пытающееся оторвать их от стены.

Молодой солдат, сын тележника, полз на три сажени выше Ярополка. Ветер рванул его за полы черной рубахи. Сапог парня соскользнул с обледенелого выступа коры с мерзким скрежетом. Юноша дернулся, пытаясь перехватить медный коготь, но замерзшие, сведенные судорогой пальцы разжались.

С истошным криком солдат сорвался со стены.

Ярополк инстинктивно выбросил здоровую руку, забыв про боль в боку, пытаясь поймать падающего за ворот. Грубая ткань чиркнула по пальцам князя, оставив ожог. Тело пролетело мимо.

Князь вжался в кору, до побеления костяшек вцепившись в крюк. Он закрыл глаза, ожидая услышать глухой, страшный удар о невидимую землю далеко внизу.

Но звука не было.

Солдат пролетел тридцать саженей вниз. А затем случилось нечто, от чего у Ярополка перехватило дыхание, а холодный пот выступил вдоль позвоночника. Тело парня замедлило падение. Оно неестественно зависло в сером воздухе, а затем с чудовищной силой рвануло вбок, параллельно стволу Древа.

Крик солдата удалялся не вниз. Он уходил влево, растворяясь в тумане по горизонтали, словно человека утащило в невидимую воронку. Голос становился всё тише, пока не оборвался совсем.

Ярополк медленно, преодолевая оцепенение, повернул голову к Радиму.

Кузнец висел на локтях, хрипло, со свистом втягивая ледяной воздух. Его борода покрылась инеем, а единственный глаз неотрывно смотрел в ту сторону, куда улетел солдат.

— Мы вышли из Яви, князь, — глухо произнес Радим. Ветер рвал слова с его губ. — Земная тяжесть здесь больше не властна. Древо само решает, где низ. Держись крепче, или упадешь в небо.

Глава 2. Искажение Прави

Крик оборвался не внизу. Он ушел в серую мглу, вбок, словно падающего подхватила огромная рука и утащила в туман.

Тысячи людей, висящих на медных крючьях посреди отвесной стены, замерли. Слышался только свист ветра и скрип натянутых веревок. Ярополк до боли в челюстях вжался в кору. Щека почувствовала грубую, ледяную древесину. Он видел, как тело сорвавшегося солдата, пролетев тридцать саженей, вдруг замедлило ход. Невидимая сила подхватила его, развернула и с чудовищной тягой поволокла над бездной, прямо в серое брюхо тумана.

Мир покачнулся. Желудок тяжело подкатил к горлу, во рту стало кисло. Низ и верх смешались, превратившись в тошнотворную круговерть.

Справа истошно, срывая связки, закричал бывший латник Очистителей. Его глаза выкатились, побелевшие пальцы в панике вцепились в собственный вбитый крюк. Он дергал его, пытаясь вырвать медь из коры, суча ногами по пустоте. Разум отказывался верить в то, что видели глаза.

— Не смотреть в туман! — голос Ярополка хлестнул, как удар сыромятной плети. Князь висел на одной здоровой руке. От напряжения рана в боку запульсировала горячей болью, но его рык прорезал вой ветра. — Смотреть только на кору! Ваша земля теперь здесь!

Латник продолжал дергать медь, захлебываясь животным ужасом. Металл зловеще скрипнул.

— Вбивай шип, или я сам перережу твою веревку! — рявкнул князь, сплевывая набежавшую слюну. — Шаг вверх! Пошел!

Жесткая, приземленная злоба в голосе пробила панику. Солдат судорожно всхлипнул, мотнул головой, отпустил крюк и всадил второй в трещину выше. Армия медленно, со скрипом зубов и томным хрипом сотен глоток, снова поползла по изломанному миру.

Широкий нарост коры, размером с городскую площадь, дал им передышку.

Люди валились вповалку, тяжело дыша. Земная тяга здесь искривилась, обманывая тело: солдаты сидели, неестественно накренившись, вжимаясь спинами в ствол, но не падая. Выпавший из ослабевших пальцев нож не полетел вниз, а медленно, с неохотой покатился по склону, пока не застрял в густом мху.

Мужиков, прошедших кровавую мясорубку Яви, мутило. Опытные воины, не раз смотревшие в глаза смерти, блевали горькой желчью — нутро выворачивало от того, что земля потеряла свой вес.

Один из десятников дрожащими руками откупорил кожаный бурдюк. Попытался сделать глоток, запрокинув голову. Вода не полилась в пересохшее горло. Она выскользнула из горлышка дрожащим, тяжелым комом, зависла перед лицом опешившего солдата и медленно поплыла в серое небо.

Весна подошла к нему. Ее лицо было бледным, под глазами залегли глубокие тени усталости, но движения оставались точными. Она опустилась на колени у глубокой складки коры, поросшей густым, похожим на мокрый войлок мхом.

— Не тратьте припасы, — тихо сказала знахарка. Она прижалась сухими губами прямо к зеленой губке и с силой втянула в себя влагу. По подбородку потекла светлая струйка. — Дерево поит. Пейте из него.

Ярополк сидел, слегка привалившись к теплой древесине. Левая рука немела. По его лбу скатилась капля пота. Она сорвалась с брови, но не упала на сапог, а полетела вбок, растворившись в стылом воздухе. Князь закрыл глаза, пытаясь унять тошноту.

Радим аккуратно опустился рядом. Его культи, замотанные в пропитавшийся кровью и грязью лен, покоились на коленях. Кузнец не стонал. Он вслушивался в гул древесины под спиной.

— Здесь нет привычного низа, князь, — глухо произнес Радим. — Древо искалечено ядом Всеслава. Вес тела здесь ничего не значит. Тянет сама живая плоть. Где кора цела — там держит, прижимает к себе. Где мертва — там выталкивает в пустоту, как гной из раны.

Авангард встал через два часа.

Путь преграждала гигантская трещина. Рваный провал шириной в полсотни шагов рассекал кору сверху вниз. Дна не было видно — только клубящийся, густой мрак.

Из провала не тянуло ветром. Там стояла мертвая, сосущая тишина, от которой закладывало уши.

Радим подошел к самому краю, тяжело ступая. Пнул кованым сапогом обломок сухого дерева. Кусок коры полетел в пропасть. Достигнув середины провала, он резко остановился в воздухе. Замер на удар сердца. А затем с пушечным свистом выстрелил ввысь, исчезнув в тумане.

— Мертвая плешь, — Весна стояла рядом, ежась в плаще. — Всеслав пролил здесь кислоту. Кора мертва. Она отторгает всё живое и неживое.

Ярополк измерил расстояние прищуренным взглядом. Сплюнул. Плевок улетел вверх.

— Мост не перекинуть, — процедил князь, потирая заросший щетиной подбородок. — Доски просто вырвет в небо. Веревку не перебросить — ее сдует. Придется обходить.

— Обход займет недели, — Радим медленно покачал головой. — Древо сгорит раньше. Мы пойдем насквозь.

Кузнец с кряхтением опустился на колени. Зажал между окровавленными бинтами обломок угля. Прямо на коре он начал чертить рубленые линии — жесткий узор выживания.

Сто самых крепких солдат уперлись ногами в глубокие трещины. В их мозолистых руках натянулась толстая пеньковая веревка, сплетенная втрое.

Другой конец веревки Ярополк туго обвязал вокруг своего пояса, затянув узел так, что перехватило дыхание. В здоровой руке он намертво сжал тяжелый медный крюк. В зубах зажал второй. Привкус металла смешался с кровью из разбитой губы.

— Мертвая зона бьет только в середине, — говорил Радим, стоя у самого края пропасти. — Если ты прыгнешь, гниль подхватит тебя и швырнет вверх. Тебе нужно лететь по дуге. Как грузило на нити. Когда тебя вытолкнет, ты окажешься у той стены. Там кора жива. Ее тяга перехватит тебя.

Ярополк посмотрел в пропасть, выплевывающую камни в небо. Посмотрел на свою висящую плетью левую руку, туго примотанную к туловищу.

— А если я промахнусь? — тихо спросил князь.

Радим встретился с ним взглядом. Единственный серый глаз кузнеца был спокоен, как застывший свинец.

— Тогда ты улетишь к звездам, брат.

Ярополк усмехнулся. Криво, зло, обнажив зубы.

Он отошел на десять шагов назад. Шумно выдохнул, разгоняя кровь. И рванул вперед.

Князь оттолкнулся от края провала. Одно короткое мгновение он падал вниз. А затем невидимый, глухой кулак ударил его снизу. Ярополка швырнуло вверх и вбок с такой силой, что из легких выбило весь воздух.

Мир завертелся серым пятном. Небо стало землей. Веревка за спиной натянулась, жалобно зазвенев от чудовищного напряжения — солдаты на краю уперлись сапогами в древесину, стирая ладони в кровь, стравливая длину.

В высшей точке дуги, когда Ярополк летел ногами в туман, он увидел стремительно надвигающуюся противоположную стену каньона. Мертвая тяга ослабла. Его снова неумолимо потянуло к живому дереву.

Князь извернулся в воздухе, напрягая каждую мышцу в теле. Замахнулся.

Медный крюк с влажным хрустом вошел в живую кору.

Древо мгновенно вцепилось в него своей силой. Ярополка с размаху впечатало в отвесную стену. Воздух с сиплым свистом вырвался из легких, в глазах потемнело. Он повис, вцепившись побелевшими пальцами в спасительную медь, чувствуя, как по подбородку течет горячая кровь.

С той стороны раздался хриплый, торжествующий рев сотни луженых глоток. Мост был перекинут.

Переправа заняла остаток дня. Солдаты ползли по натянутой веревке, перехватываясь затекшими руками, болтаясь над бездной, норовящей выплюнуть их в небо.

К сумеркам армия выбралась на исполинский кап — плоский деревянный нарост, выдающийся из ствола, словно каменная полка.

Здесь земная тяжесть вернулась. Люди падали на твердую, ровную поверхность, плача от облегчения и усталости. Желтое, больное небо Яви осталось далеко внизу. Вокруг клубились только рваные, ледяные облака.

Ярополк сидел у края плато, тяжело дыша. Пот заливал глаза. Радим грузно опустился рядом, со стоном привалившись широкой спиной к выступу.

Весна не легла отдыхать. Она опустилась на колени в самом центре нароста. Осторожно приложила ухо к деревянной тверди. Закрыла глаза.

Прошла минута. Знахарка замерла. Ее ресницы дрогнули, глаза широко распахнулись. В них плескался первобытный, животный ужас.

— Радим... — шепот Весны прорезал гул ветра. — Поднимите людей. Немедленно.

Древесина под их ногами мелко, противно задрожала. Это был не ровный, глубокий гул Мирового Древа. Это был сухой, мерзкий скрежет. Словно тысячи железных ножей резали тугую кожу.

Оглушительный треск ударил по ушам.

В тридцати шагах от Ярополка деревянная твердь лопнула, вздыбившись горой. Щепки размером с крестьянскую избу с воем взлетели в воздух. Из пролома вырвалось удушливое облако едкой, желтой пыли и гнилостной вони.

А следом из дыры поднялась колоссальная, влажно блестящая хитиновая жвала.

Существо не было духом. Это была омерзительная, слепая, голодная плоть. Короед Кривды. Тварь, зародившаяся в гниющих ранах Древа. Размером с осадную башню, покрытая бурой, сочащейся мутной кислотой броней.

Жвала сомкнулись с тошным, мокрым хрустом. Двое отдыхавших солдат были перекушены пополам прямо в толстых медных кирасах. Их горячая кровь брызнула на серый хитин, зашипев на кислотной броне.

Плато затряслось. Слева и справа кора начала вспучиваться. Из новых трещин, разрывая древесину, лезли усатые, щелкающие жвалами головы.

Армия оказалась заперта на куске дерева в тысяче верст над землей. И гниль пришла, чтобы сожрать их.

Глава 3. Короеды Кривды

Деревянная твердь под ногами не просто лопнула — она вздыбилась с глухим, утробным гулом, от которого задрожали кости.

Оглушительный треск разорвал барабанные перепонки. Щепки толщиной с вековое бревно с воем взлетели в серое небо, осыпая людей градом тяжелых обломков. Из зияющих проломов ударил густой, тошнотворный смрад — запах застоялой воды, мертвой гнили и едкой желчи. А следом из темноты полезла слепая, голодная плоть.

Твари напоминали помесь медведок и сколопендр, раздувшихся до размеров груженой телеги. Матово-черный, влажно поблескивающий панцирь покрывал их длинные тела, закованные в толстые, заходящие друг на друга пластины. Сотни крючковатых лап с омерзительным скрежетом рвали древесину. Из огромных, щелкающих жвал густо капала желтая, дымящаяся на воздухе слизь.

Рука Ярополка сама рванула тесак из ножен. Тело сработало быстрее, чем разум успел осознать ужас. Рукоять привычно и тяжело легла в ладонь.

— Щиты! — хриплый рев князя перекрыл оглушительный стрекот жвал. — Копья к бою! Держать строй!

Десяток бывших Очистителей, повинуясь вбитой розгами привычке, сомкнули помятые медные щиты, выставив вперед древки. Ближайшая тварь рванула прямо на них. Она даже не заметила преграды. Огромная, тяжелая туша на полном ходу врезалась в строй, сминая толстую медь, словно сухой осенний лист.

Солдат с криком ударил копьем. Медный наконечник с тупым звоном отскочил от черного панциря, не оставив даже царапины. Толстое ясеневое древко с треском переломилось пополам, отбив человеку руки. Обломок бесполезно повис, застряв в сочленении хитина.

Жвалы сомкнулись с мокрым хрустом. Солдата перекусило пополам прямо в нагруднике. Горячая, густая кровь ударила фонтаном, брызнув на лицо Ярополка, заливая глаза липким теплом. Запахло медью и вспоротыми кишками. Верхняя половина человеческого тела глухо рухнула к кованым сапогам князя, пока тварь, дергая головой, перемалывала нижнюю.

Строй дрогнул. Мужики попятились, хрипя от ужаса, давя друг друга, забыв, что за краем плато их ждет падение в пустоту. Медь не брала эту броню. Оружие Яви было бессильно против паразитов, вскормленных древней гнилью.

Весна вжалась спиной в высокий выступ коры. Ее колотило крупной дрожью. Но не от страха перед смертью — ее выворачивало наизнанку от чужой, исполинской боли. Знахарка чувствовала, как эти твари вгрызаются в живые жилы Стародуба, как их яд разъедает его нутро. Это был гнойник на теле мира, и он прорвался.

Она заставила себя открыть глаза. Огромная черная туша пронеслась в двух шагах от нее, обдав запахом тухлятины.

Весна присмотрелась. На уродливой морде короеда не было глазниц. Только гладкий хитин. Зато над жвалами непрерывно дергались длинные, толстые усы, ощупывая воздух.

Тварь пробежала мимо замершего, впавшего в ступор раба. Тот стоял, втянув голову в плечи, не смея даже выдохнуть. Короед не тронул его. Зато мгновенно развернулся к латнику, который с воплем бежал к краю плато, тяжело вбивая подкованные сапоги в звонкое дерево. Жвалы настигли беглеца в три длинных броска.

— Они слепые! — голос Весны сорвался на отчаянный крик. — Они чуют дрожь шагов! Замрите!

Ярополк услышал. Он не стал кричать в ответ. Князь с размаху ударил обухом тесака по брошенному медному щиту. Гулкий звон заставил тварей дернуться.

— Стоять насмерть! — скомандовал князь, не отрывая взгляда от ближайшей пасти. — Не двигаться! Врасти в землю!

Наступила самая жуткая минута в их жизнях. Сотни людей, тяжело дыша, замерли, превратившись в изваяния. Никто не опускал затекших рук с оружием, никто не делал шага. Пот заливал глаза, щипал раны, но никто не смел моргнуть.

Стрекот жвал начал стихать. Короеды остановились. Десятки черных туш водили толстыми усами в воздухе, пытаясь уловить дрожь земли или стук падающего железа. Безмолвную тишину рвал только булькающий стон раненых и спертое, хриплое дыхание замершей армии.

Радим сидел у самого края пролома. Его руки, замотанные в пропитавшийся кровью и грязью лен, бессильно лежали на коленях. Кузнец не мог сжать кулак. Он не мог поднять молот, чтобы защитить себя.

Но его ум, десятилетиями привыкший искать изъяны в самом прочном металле, работал.

Радим смотрел на лужу золотистой смолы, натекшую из свежей раны Древа. В липкой, тягучей массе барахтался мелкий лесной жук, намертво приклеившись лапками. Затем кузнец медленно перевел единственный серый глаз на брошенные медные щиты. И на тусклые, серые вкрапления кремня, густо усеявшие кору Стародуба вокруг плато.

— Князь, — едва слышно, одним выдохом прохрипел Радим.

Ярополк, стоявший в десяти шагах, не повернул головы, лишь скосил глаза. По его щеке ползла капля чужой крови.

— Их не пробить, — зашептал кузнец, не шевелясь. — Медь против их брони — что дерево против булата. Их нужно сжечь. Весна. Пусти кровь Древу. Широко пусти.

Знахарка поняла сразу. Ярополк тоже.

Князь медленно, стараясь не издать ни звука, поднял свой тесак. Носком сапога подцепил брошенный кем-то медный щит, перехватил его левой, висящей плетью рукой, прижав к груди. Ремни врезались в раненое предплечье, вызвав вспышку боли.

— Готовь искру, мастер, — одними губами произнес Ярополк.

Он с силой ударил клинком по меди. Резкий, пронзительный звон разорвал тишину.

Все короеды на плато мгновенно развернулись к звуку. Ярополк сорвался с места. Он бежал по широкой дуге, изо всех сил колотя мечом по щиту, уводя за собой весь черный рой. Тяжелые туши ринулись следом, ломая щепки, сотрясая дерево так, что люди едва удерживались на ногах.

Весна упала на колени, ободрав кожу в кровь. Вонзила костяной нож в глубокую пульсирующую трещину. Навалилась всем весом, с хрипом расширяя рану Древа, разрывая волокна древесины.

Из-под коры с глухим шипением вырвался поток густой, обжигающе горячей золотой смолы. Она хлынула на плато, растекаясь широким, липким озером. Воздух наполнился густым запахом дикого меда и грозы.

Ярополк, задыхаясь от бега, в последний момент прыгнул в сторону, жестко перекатившись через сухой выступ коры. Плечо обожгло болью.

Рой, ослепленный грохотом его шагов, на полном ходу влетел прямо в смоляную лужу. Тяжелые лапы с хлюпаньем увязли в густой массе. Короеды задергались, пытаясь вырваться, но кровь Стародуба держала их намертво. Смола залепляла щелкающие жвалы, забивалась в сочленения панцирей, сковывая движения.

— Бей искру! — взревел Радим, срывая голос.

Десятки солдат сорвались с мест. Они хватали обломки медных копий, зазубренные мечи, края щитов. Подскакивали к кремневым жилам, торчащим из коры, и с яростью загнанных в угол зверей били металлом о камень.

Вжик. Вжик. Лязг.

Сноп зияющих, раскаленных искр брызнул на золотую лужу.

Вспышка ударила по глазам. Смола Стародуба занялась ревущим, ослепительно чистым пламенем. Плато в одно мгновение превратилось в огромный огненный тигель. Жар ударил в лица людей, заставляя их отшатнуться.

Черная броня не выдержала дыхания Истины. Панцири начали с сухим треском лопаться и скручиваться. Твари горели заживо. Их мерзкий стрекот сменился тонким, сверлящим визгом, от которого ломило зубы и шла кровь из носа. Столб золотого огня ударил в серое небо, сжигая древнюю гниль дотла. Воздух наполнился удушливой вонью паленого мяса и жженого хитина.

Пламя спало быстро, пожрав само себя, оставив лишь дымящиеся, потрескивающие остовы. Черный пепел медленно оседал на лица.

Люди валились на горячую кору, кашляя и задыхаясь от едкого дыма.

У самого края пролома лежал молодой ополченец. Жвала короеда откусили ему ногу по самое колено. Темная кровь хлестала толстыми, ритмичными толчками, заливая дерево. Парень уже не кричал — он тихо, жалко скулил, закатывая побелевшие глаза.

Весна подбежала к нему, путаясь в подоле. Никаких утешающих шепотков. Никаких трав. Знахарка схватила толстую сухую ветку, обмакнула ее в кипящую лужицу остатков смолы на краю пепелища.

— Держите его! К земле жмите! — крикнула она.

Двое солдат навалились на раненого, придавив его плечи и уцелевшую ногу. Весна с силой прижала раскаленную, облепленную кипящим золотом палку прямо к кровоточащему обрубку.

Зашипело. Густо запахло паленым человеческим мясом. Солдат выгнулся дугой, едва не скинув державших его мужиков, издал дикий, сорванный вопль и обмяк, потеряв сознание. Весна отбросила дымящуюся ветку, тяжело дыша. Края раны обуглились, намертво запечатанные смолой. Кровь остановилась. Жестокое ремесло выживания сделало свое дело.

Ярополк вытер покрытое копотью и чужой кровью лицо рукавом. Подошел к Радиму. Ноги гудели от усталости.

— Твоя голова сегодня спасла больше, чем мой меч, кузнец, — хрипло, сквозь кашель сказал князь.

Но Радим не ответил. Он неотрывно смотрел себе под ноги.

Деревянная твердь издала долгий, мучительный стон. Звук шел из самой глубины. Огонь и прорытые паразитами ходы уничтожили основание капа. Гигантский нарост размером с целую деревню потерял опору.

Плато мелко дрогнуло. И начало медленно, неотвратимо крениться вниз.

Обугленные панцири короедов с сухим шорохом покатились к краю пропасти. Солдаты закричали, в панике цепляясь стертыми в кровь пальцами за неровности коры. Земля уходила из-под ног, обещая долгий полет в серую пустоту.

— Наверх! — заорал Ярополк, выхватывая с пояса медный крюк. — На ствол! Руби шипы!

Армия, давя друг друга, бросилась к отвесной стене Стародуба, вколачивая медь в спасительную вертикаль, пока плато уходило из-под подошв.

Радим вцепился локтями в забитый князем костыль. С рычанием подтянулся, чувствуя, как рвутся едва затянувшиеся раны на культях. И поднял голову, чтобы оценить путь.

Слова застряли у кузнеца в пересохшем горле.

Прямо над ними, нависая тяжелым, непроницаемым брюхом, висел густой слой желто-черного смога. Ядовитое дыхание печей Медного Князя, поднявшееся из разрушенной Яви. Смрадные, полные кислоты облака медленно клубились, разъедая кору Древа, застилая путь.

Путь наверх был закрыт.

— Мы сдохнем там, — прошептал висящий рядом на одном крюке солдат, не отрывая взгляда от кислотного неба. Его голос дрожал.

Оглушительный треск разорвал воздух. Плато под ними окончательно откололось, громко ухнуло вниз и растворилось в сером тумане. Опоры больше не было. Только отвесная, гладкая стена. И яд над головой.

Ярополк с силой вбил следующий крюк. Мышцы на его руке дрожали от чудовищного напряжения.

— Задержите дыхание! — прохрипел князь, делая рывок вверх, навстречу желтому мраку. — Идем насквозь.

Глава 4. Кислотные облака

Деревянная твердь ухнула в невидимую бездну. Глухой, раскатистый гул обрушения быстро утонул в плотном, грязно-желтом брюхе тумана, нависшем прямо над головами. Ветви хлестали по воздуху, пока звук не оборвался совсем.

— Наверх! — прохрипел Ярополк, выплевывая горькую слюну. — Не останавливаться!

Он вбил медный коготь в кору. Мышцы плеча взвыли от натуги. Князь подтянулся, пересекая границу желтого морока. Дневной свет умер мгновенно.

Желтая, маслянистая мгла сожрала мир, залепила глаза. Дальше вытянутой руки тянулась лишь глухая, клубящаяся стена. Это был не туман, рожденный холодной водой и ветром. Воздух пах жженой серой, старой окислившейся медью и мертвой, гниющей хвоей. Дыхание Кривды. Смердящий чад исполинских печей Медного Князя, смешанный с предсмертным пеплом сожженных лесов Яви.

Первый же вдох оцарапал гортань, будто горсть битого стекла. Ярополк зашелся сухим, рвущим грудь кашлем. На губах осел кислый, вяжущий пепел. Глаза заслезились, тщетно пытаясь вымыть едкую пыль. Желтая пелена лезла под веки, забивалась в нос.

Князь висел на одной здоровой руке, до крови сжимая эфес тесака, вслепую нащупывая трещину для следующего крюка. Левый бок пульсировал горячей болью. Он больше не видел своей армии. Он только слышал ее слепую борьбу. Натужное, свистящее дыхание сотен людей. Скрежет тупой меди о твердое дерево.

И тишину срывов.

Где-то слева и чуть ниже страшно захрипел бывший раб. Ядовитая гарь сожгла ему горло, лишив воздуха. Человек забился в слепой панике. Попытался позвать на помощь, но выдал лишь влажный, булькающий сип. Послышался короткий шорох скользящей по коре грубой ткани. Ослабевшие пальцы отпустили медь.

Он падал молча. Густой туман жадно глотал звуки, оставляя лишь тихий, шелестящий свист разрезаемого телом воздуха. Ни крика, ни глухого удара о землю. Только пустота.

Ярополк стиснул зубы так, что заныли корни. Бремя слепого вождя давило тяжелее земной тяги. Он вел их прямо в ядовитое пекло. С каждым новым тихим шелестом падающего тела за спиной его нутро покрывалось ледяной коркой вины.

Движение встало. Люди задыхались, судорожно прижимаясь мокрыми от пота лицами к коре, не в силах поднять отяжелевшую руку для нового удара. Желтая отрава проникала в кровь, несла с собой дурной морок. Витиеватые, липкие мысли о бессмысленности пути заползали в головы. Зачем рвать жилы, если наверху ждет такая же удушливая смерть? Проще разжать сведенные судорогой пальцы. Проще отдаться пустоте. Проще уснуть.

Весна висела на сгибе локтя, до боли прижимаясь бледной щекой к Стародубу. Ее чутье травницы распознало природу яда быстрее других. Знахарка, задыхаясь, потянулась свободной рукой к черному, обугленному краю старой раны на древесине.

Ногтями она отскребла горсть сухой золы и древесного угля. Смешала крошево в ладони с тягучей, еще теплой смолой Древа и собственной вязкой слюной. Пальцы быстро перетерли массу. Получилась густая, черная грязь.

Весна с трудом дотянулась до Ярополка, висящего рядом в желтой пелене.

— Мажь лицо, — прохрипела она. Ее пальцы грубо мазнули жгучую массу по губам и ноздрям князя, забивая поры. — Дыши через уголь. Передай дальше.

Ярополк с силой втянул воздух. Уголь царапал обожженную кожу, липкая смола стягивала щеки, но черная корка удержала желтую отраву. Воздух прошел в легкие сухим, горьким от пепла, но живым.

Хриплый приказ пошел по цепи вниз, передаваясь от одного висящего к другому. В слепом желтом мареве люди на ощупь скребли обожженную кору, сдирая ногти, обмазывая грязью себя и соседей. Армия превратилась в племя безликих, жутких теней с угольно-черными, измазанными смолой масками вместо лиц. Они добровольно отдали человеческий облик, чтобы не сдохнуть в тумане.

Подъем медленно, со скрипом, продолжился. Но яд Кривды разъедал не только плоть.

Радим грузно висел на локтях, с рычанием перенося свой огромный вес с одного вбитого крюка на другой. Его раздробленные кисти безостановочно пульсировали тупой, тянущей болью под пропитанными кровью и грязью обмотками.

Кузнец навалился на правый крюк. И вдруг почувствовал, как металл под его тяжестью подался. Поплыл, словно гнилое дерево.

Радим прищурил единственный глаз, вглядываясь в желтую мглу. Медь, глубоко всаженная в кору, покрылась густой, шипящей зеленой пеной. Ядовитая сырость тумана пожирала металл. Гнилостный жар плавил зазубрины шипов, выедая в них каверны. Твердая медь на глазах становилась мягкой, как нагретый в пальцах воск.

— Медь кипит! — раскатистый рык Радима разорвал удушливую тишину. — Желчь жрет крючья! Не висните на одном! Бейте по два в ряд!

Но для истощенных, дрожащих от напряжения людей это была почти невыполнимая задача. Вбивать два тупых крюка вместо одного означало тратить вдвое больше сил. А сил больше не было. Мышцы горели огнем.

Страх пополз по рядам.

В десяти шагах ниже с влажным, чавкающим шипением выскользнул из коры изъеденный зеленой слизью крюк. Изувеченный кусок истончившейся меди полетел в бездну, оставив после себя лишь пустую, безвольно болтающуюся веревку. За ним не выдержал второй. Третий. Сухой, жалкий треск ломающегося металла слился с долгими стонами падающих во мрак людей.

Ярополк крепко зажмурился. Под слоем угольной маски по лицу тек едкий пот. Его войско таяло в ядовитом тумане, осыпаясь со ствола, словно мертвые осенние листья под порывом ветра.

Ужас сковал пальцы. Движение остановилось окончательно. Люди до белых костяшек вжимались в кору, отказываясь бить новые крючья, боясь, что каждый следующий рывок вырвет разъеденную медь. Желтый морок ласково шептал им в уши сквозь шум крови: «Останьтесь. Здесь тихо. Дальше хода нет. Отпустите».

Радим понял: без цели перед глазами эта висящая на волоске толпа мертва. Им нужен был стержень. Опора, которую нельзя разъесть ядом и растворить в тумане. Опора, которую можно только услышать.

Кузнец не мог бить руками. Он до хруста стиснул челюсти, отвел правую ногу, обутую в тяжелый, окованный железом сапог, и с короткого размаха ударил подошвой по пустому, гулкому стволу Стародуба.

БУХ.

Громкий звук ударился о древнее дерево, разойдясь глубокой, утробной дрожью по коре.

Радим выдохнул сквозь зубы и ударил снова.

БУХ.

— Слушать счет! — голос кузнеца, подхваченный гулом гигантского ствола, ударил по ушам сквозь шипение тумана. — Раз — вбил! Два — подтянул! Три — вдох!

БУХ.

Ярополк открыл глаза. Он понял замысел. Князь поднял тесак и с силой ударил тяжелым эфесом по своему вбитому медному шипу, подхватывая такт.

— Раз! — хрипло крикнул Ярополк. — Вбил! Два! Подтянул!

Весна ударила костяной рукоятью ножа по дереву.

БУХ. ДЗИНЬ. БУХ.

Мерный ритм Наковальни пошел по цепи вниз. Сотни людей, парализованных страхом и удушьем, вцепились в этот звук, словно в толстый корабельный канат. Им больше не нужно было думать о зеленеющей меди. Не нужно было бояться высоты. Нужно было только попадать в такт.

Раз. Слепой удар. Два. Болезненный рывок. Три. Хриплый, царапающий горло вдох через черную маску.

Толпа перестала быть сбродом умирающих одиночек. Под властный, тяжелый стук сапога кузнеца они сплавились в единую, тысяченогую тварь. Живую цепь из плоти и воли, ползущую сквозь смрадное пекло на одном лишь упрямстве.

Время исчезло. Часы слились в слепой, бесконечный цикл боли и ритма. Мышцы горели живым огнем, суставы выворачивало, из-под сорванных ногтей по древку оружия сочилась липкая кровь.

А затем желтый туман над головой начал светлеть. Грязно-горчичный, больной цвет сменился бледным, молочно-белым свечением.

Радим сделал очередной, выматывающий рывок. Его окровавленные локти легли не на отвесную стену, а на плоскую, твердую поверхность, уходящую вдаль.

Они пробили верхнюю границу ядовитой пелены.

Они втроем вывалились на гигантскую, шириной с целую равнину, ветвь Стародуба. Слепящее, пронзительно-голубое небо ударило по отвыкшим от света глазам. Яркое, морозное солнце заливало необъятную деревянную твердь. Воздух здесь был ледяным, кристально чистым, звенящим от немыслимой высоты.

За ними через край ветви, хрипя и ругаясь, переваливались выжившие. Солдаты падали на спины, раскинув стертые руки. Они дрожащими пальцами срывали с лиц черные корки угля и липкой смолы, жадно, со всхлипами глотая холодный воздух. Кто-то дико смеялся, глядя в синеву, кто-то плакал, размазывая грязь по щекам и целуя сухую, теплую кору. Желтое море смерти осталось гудеть далеко под подошвами сапог.

Ярополк лежал на животе, прижавшись лбом к дереву, тяжело втягивая раздувающимися ноздрями морозную свежесть. Сердце колотилось в ребра. Он был жив. Они вырвались.

Князь заставил себя приподняться. Ломило каждую кость. На четвереньках он подполз к самому краю исполинской ветви и заглянул вниз, в рваный колодец чистого воздуха, который их тела пробили в слое густого смога.

Улыбка, едва тронувшая потрескавшиеся губы Ярополка, медленно сползла. Сердце пропустило удар, замерло, а затем забилось тяжело, глухо и мерно.

Желтое море внизу не было пустым.

Сквозь ядовитый туман, методично разрезая густые облака, вынырнули толстые, натянутые как струна стальные тросы. Снизу донесся мерный, бездушный лязг неудобных лебедок. По стальным жилам, цепляясь коваными зубчатыми колесами и железными клещами, неумолимо поднимался авангард Очистителей.

Они не мазали лица грязью. Их головы скрывали глухие маски из толстой кожи и мутного стекла, набитые очищающими травами. Их белые плащи оставались безупречно чистыми даже в этой копоти. Стальная поступь Медного Князя умела вгрызаться в деревья, и делала это пугающе быстро.

На самом верхнем, передовом тросе висел человек в тяжелой серебряной кирасе. Он плавно поднял голову, закованную в кожу и металл.

Сквозь толстые линзы стекол Ярополк узнал этот взгляд. Холодные, пустые серые глаза.

Олег. Брат, выбравший железный порядок Всеслава, вел цепных псов по их кровавому следу. Враг не отстал. Он дышал им прямо в затылок.

Глава 5. Оборванная сталь

Солнце ударило по глазам жестокой, режущей ясностью.

После удушливого желтого мрака синева неба казалась вымороженной, мертвой. Ярополк лежал на животе у самого края исполинской ветви, тяжело втягивая морозный воздух. Горло драло от каждого вдоха, в легких хрипела горелая гарь. Князь смотрел вниз, в пробитый их телами колодец чистой пустоты.

Оттуда, из ядовитого чрева тумана, методично и неумолимо поднималось железо.

Толстые стальные тросы с мерзким хрустом вгрызались в живую кору Стародуба, вырывая щепы. Они тянули вверх авангард Очистителей. Люди не задыхались. На их лицах глухо поблескивали тяжелые маски из толстой кожи и мутного стекла. Белые плащи оставались пугающе чистыми на фоне грязной, истекающей кровью древесины. Лебедки, намертво притянутые к спинам передовых солдат, ритмично лязгали, выплевывая струи кипящего масла. Черные капли падали на кору Древа, оставляя дымящиеся, воняющие серой ожоги.

А на самом верху, в десятке саженей от края ветви, на натянутом тросе висел человек в тяжелой серебряной кирасе.

Олег.

— Рубите железо! — истошно, срывая голос, закричал десятник ополчения, поднимаясь на колени.

Мужики бросились к обрыву, обрушивая зазубренные медные топоры на натянутую сталь. Медь жалко звенела, отскакивая от тугих жил, оставляя на них лишь светлые царапины. Мягкий металл Яви не брал кованую сталь Всеслава.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.